

МЕТОДОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ

Для меня очевидно, что наиболее интересной областью методологических размышлений сейчас является «логика» изменения общественных структур и, разумеется, способы и методы осмысленной организации изменения общественных единиц и соответствующего общественного порядка. Чтобы «увидеть» эту «логику» и определить возможность осмысленного участия в процессах изменений, необходимо зафиксировать новое в общественной ситуации и построить соответствующий мыслительный аппарат для формирования организации общественного действия.

С моей точки зрения основными точками, в которых проявляется новая организация жизни, являются:

1. Быстрое развитие инфраструктур и превращение их в глобальные сети. Это создает новую организацию мирового и регионального хозяйства: общие для всех сети с однообразными стандартами подключения и использования, – и множество региональных («миров-экономик») с ярко выраженными социальными, культурными и хозяйственными особенностями.
2. Создается новая социальная организация – не классовая и не стратовая. Новая социальная организация связана с формированием групп, ядром которых становится принадлежность к тому или иному типу технологических или институциональных организаций. Будущее – за социальными организациями, сращенными с той или иной технологией. Корпорации газодобывателей, компьютерщиков или региональных чиновников начинают формировать свои типы людей, особые социальные

СМЕНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Общее изменение социокультурной ситуации несет в себе кардинальное изменение в сфере организации интеллектуальной деятельности.

Классическое соотношение науки, философии и инженерии в том виде, как это сложилось к началу XIX в., можно представить следующим образом: философия объемлет науку и научное знание, научные открытия использует инженерия, отдельно существует сфера управления общественной жизнью, в которую результаты научной и инженерной мысли попадают как готовые изделия. Сфера управления обществом (в том числе государственное управление, управление промышленностью и т.д.) имело свое философское обоснование, которое практически не соотносилось с философией науки. Этика, эстетика, философия жизни, философия истории или

отношения и способы жизни.

3. Центры власти и влияния теряют свою жесткую привязанность к государственным образованиям и институтам. Они становятся «блуждающими». Власть начинает концентрироваться в местах, где появляется новая, более эффективная схема организации технологических, социальных и культурных институтов, дающая неожиданный инновационный эффект. До тех пор, пока эта схема организации не выработает свой ресурс, реальная власть принадлежит носителям схемы. Появляются группы людей, реализующие различные схемы – от смены политического устройства какого-либо общества до введения новой технологической организации какой-либо сферы. Причем это делается поверх существующих институтов и других форм организации государства и жизни людей.

4. Равноправие и самоорганизация культур становится фактом реальной жизни. Множество самостоятельных миров со своими культурными нормами начинают отделяться от государственной, этнической, территориальной и хозяйственной прикреплённости и жить поверх всего этого, самостоятельно, формируя собственные смыслы жизни и способы самоидентификации.

5. Основной точкой направленности усилий наиболее активной и образованной части людей становится изменение общественных отношений. Новые формы организации общества приносят несравнимый с другими инновациями эффект – как с точки зрения появления новых ресурсов, так и с точки зрения новых возможностей власти.

права и прочие направления оформлялись как самостоятельные линии размышления, и наука в явном виде не руководствовалась понятиями, например, этики или эстетики. Упрощенно такое соотношение изображено на рис. 1.

Положение дел сильно изменилось в XX в., когда в результате успехов научно-технической революции именно в сфере инженерии стали формироваться цели и задачи научных исследований. А поскольку технические изделия и технологии стали весьма сложны как в изготовлении, так и в реализации, стала бурно развиваться сфера управления техническими инновациями. Эта новая сфера управления стала захватывать и традиционные области социального управления, породив период технократизма – попыток управлять обществом так же, как и техническими системами.

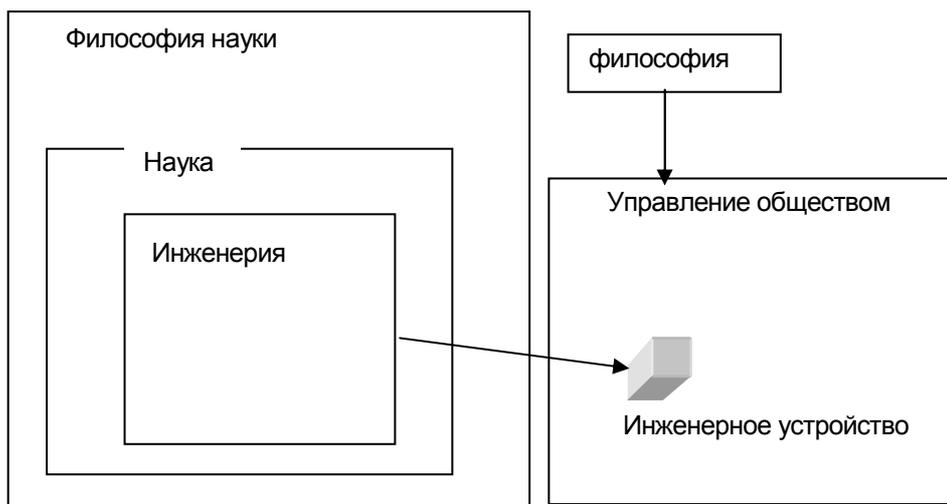

Рис.1.

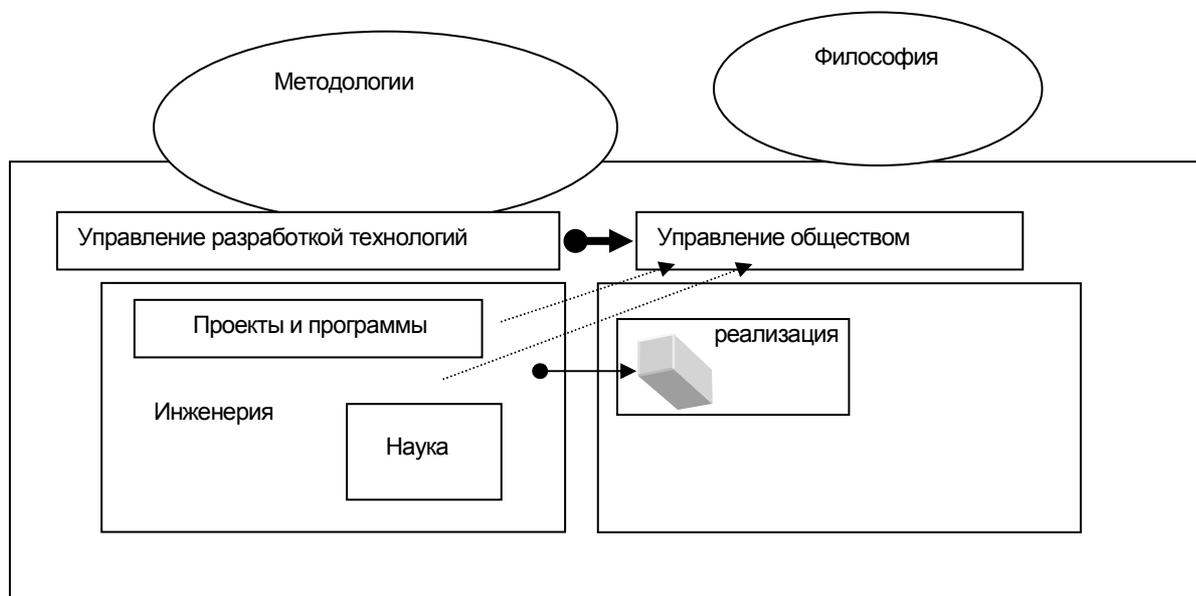

Рис.2.

Поскольку управление социальными системами требует совершенно иных интеллектуальных подходов, нежели те, которые были заложены как в традиционной философии научного знания, так и в классической философии, философская мысль на какое-то время утрачивает свои позиции сферы, конституирующей и культивирующей мышление. Как всегда во время смены интеллектуальных парадигм резко обнажилась методологическая проблематика. Возникшие методологические течения сконцентрировались, прежде всего, на критике оснований науки, пытаясь сформулировать основные принципы организации мышления и деятельности в качестве оснований для управления сложными (включающими как техническую, так и социокультурную составляющие) общественными процессами – рис. 2.

Проникновение инженерной идеологии в сферу управления общественными процессами привело к попыткам искусственно-технически менять общественные отношения. Оказалось возможным по планам и проектам строить такое общество, которое было задумано. Такого рода попытками пронизан весь XX век. Но их неудачи заставляют усомниться в том, что те интеллектуальные ресурсы, которые были наработаны как в сфере разработок технологий, так и в сфере управления общественными процессами, применимы к новой реальности – реальности попыток целенаправленно изменить общество в целом. Таким образом, основная интеллектуальная проблема лежит сейчас в области формирования сферы организации общественных изменений – рис. 3.

АРТИФИКАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ. ВЫДЕЛЕНИЕ ЭПИСТЕМОТЕХНИКИ.

Трансформация интеллектуальной сферы проявляется не только в смене приоритетов, но и в кардинальных изменениях предметной и инструментальной базы мышления. Инженерная активность человечества, направленная на изменение общественных отношений, неизбежно приводит к инженерии в сфере знания. Происходит технологическое освоение интеллектуальной сферы. Я укажу на четыре традиционно важных области мышления, которые претерпели сильнейшие изменения в последнее время. Это – знания, понятия, онтологии и методы. Изменения в этих областях весьма показательны.

Знания. В современной жизни получение тех или иных знаний обусловлено, с одной стороны, инженерной задачей (построить город, выбрать нужного кандидата, создать новое производство, создать материал с заданными свойствами, внедрить новое технологическое изделие...), а с другой – тем, как это знание в дальнейшем будет функционировать и использоваться. Совмещение этих двух сторон приводит к тому, что знания вырываются из общего контекста размышления о сущем и начинают существовать в рамках той техносоциальной системы, для которой они созданы.

Это в свою очередь приводит к разделению знаний на несколько в значительной мере самостоятельных образований:

- информация,
- технологии передачи, хранения и организации информации,
- способы интерпретации информации (придания ей смысла через отнесение к тем или иным объектам).

В результате знание отрывается от общей онтологической картины и в содержательном плане становится мозаичным: из него собираются те или иные композиции, пригодные для решения утилитарных задач. Теряет смысл задача построения системы знаний, создаются базы данных и системы поиска нужной информации.

Другими словами, производство знаний становится индустриальной задачей, и этот предмет выпадает из сферы мышления. С моей точки зрения, этот момент имеет глубокий смысл: в условиях, когда мы имеем дело с быстро изменяющимся обществом, необходимо уметь получать «одноразовые

знания», которые используются в локальной ситуации деятельности. Сама структура такого образования, как знание, основанного на отношениях отнесения и замещения знаковых форм к неизменному законосообразному объекту, не позволяет ему существовать в условиях изменяющейся, популятивной и рефлексивной среды иначе, чем это описано в начале статьи.

Понятия. Понятия также постепенно выпадают из компетенции собственно мышления и начинают функционировать в основном в трех сферах – идеологической, коммуникационно-мысловой и организационно-технической.

Управление общественными процессами требует одинаковых действий больших групп людей. Это означает, что они должны иметь одинаковые представления о некоторых вещах вне зависимости от того, насколько это представление соответствует сущности вещей и от уровня образованности и способностей различных людей. Определенный, необходимый ряд понятий трансформируется под эту задачу и через систему образования, СМИ, информационные технологии формирует идеологическое поле. В этом поле выкристаллизовываются символические образования (символы – материальные образования, на которых крепятся группы понятийных смыслов), манипулируя которыми можно менять направления активности больших групп людей.

В условиях отсутствия единой онтологии (см. ниже) резко возрастает роль понимания представителей иной культуры, а также самоидентификации в рамках того или иного социального мира. Понятия становятся основным инструментом понимания и осуществления коммуникации. Но при этом в каждом из локальных образований формируется собственный понятийный ряд, обеспечивающий взаимопонимание и самоидентификацию группы.

В организационно-техническом плане понятия трансформируются в термины и терминологические структуры с довольно жестко и узко определенным содержанием.

Разделение трех указанных выше сфер приводит, с одной стороны, к деградации такой функции понятия, как концентрация культурного опыта познания сущности явления или вещи; с другой стороны, резко возрастает роль понятий в

социальной организации общества. Если содержательное ядро понятийного поля не сохраняется единым, в обществе происходит «понятийная катастрофа». Особенно это характерно для тех случаев, когда происходит неподготовленное реформирование общества [1].

Онтологический плюрализм. Мы живем в условиях отсутствия единой онтологии. Технологизация сферы мышления, – мы обязаны этим науке и новейшим школам методологии, – привела к тому, что стало возможным строить онтологические картины. На их основе возникают все новые науки и отрасли знания. Однако такая дифференциация быстро приводит к проблеме соорганизации знаний при реализации сложных проектов.

Первоначальная методологическая идея состояла в том, что методологическими средствами можно построить некий объект («конфигуратор»), по отношению к которому частные знания выглядели бы как проекции [2]. Развитие этой идеи привело к созданию методов системного подхода.

Но создание конфигурирующего объекта (даже если это возможно) – дело сложное и требующее большой квалификации и времени (что уж говорить о последующих исследованиях!). Поэтому возникает следующий вариант решения проблемы синтеза знаний – через актуальную организацию деятельности. Если собрать группу специалистов, представляющих достаточный набор знаний, и заставить их работать вместе над одной конкретной проблемой, то кажется возможным построить «деятельностный конфигуратор» – временную конструкцию из различных знаний, на основании которой можно двигаться в разрешении данной проблемы. Возникают различные формы организации междисциплинарных исследований и разработок, в том числе интенсивные. В СССР они получили название организационно-деятельностных игр (ОДИ). На базе опыта проведения ОДИ возникает целая сфера разработок по проблемам организации коллективного мышления и деятельности в проблемных ситуациях. Теоретическую основу таких разработок составляют с одной стороны игротехника, использующая представления о мышлении и деятельности и способах их организации, с другой – методология проектирования и программирования.

Несмотря на изощренность методов как системного подхода, так и методологии организации коллективного мышления и деятельности, результаты такого рода работы упираются в вопрос реализации найденных решений. Все время оказывается, что новые решения выходят за рамки профессиональных возможностей людей и принятой социальной организации, и, следовательно, изначально попадают в агрессивную среду. Оказывается (и так происходит теперь с любыми сложными решениями и технологиями), что для того, чтобы найденное решение реализовалось, необходимо сменить тип социальной организации, способы мышления и организацию сознания людей, изменить их взаимоотношения. Возникает совершенно

ИНТУИЦИИ И ИНТЕНЦИИ

С моей точки зрения, основной для современного мышления вопрос – возможность помыслить сложный мир в его становлении. Сложный потому, что теперь (в отличие от античного мира и мира возрождения) в него, кроме собственно природы, входит «вторая природа» – организация материального мира, порожденная человеческой деятельностью, а ведущей становится «третья природа» – символические миры, порожденные человеческим мышлением. Причем символические миры создают поля возможностей для деятельности, что, в свою очередь, создает возможности для порождения новых материальных организованностей. В результате современный мир с неизбежностью становится **гетерогенным, гетерохронным и гетерархизированным (3G)**. И, с моей точки зрения, необхо-

другая реальность – **реальность организации общественных изменений**.

Но здесь мы сталкиваемся с тем, что возможность сделать онтологические предположения обусловлена (в существующем мышлении) неизменностью мира и его независимостью от осмысленной активности людей. Выполняются ли эти условия? Пока это вопрос не решен, поддерживается описанная ситуация онтологического плюрализма.

Одновременность сосуществования разных социальных образований, строящих свое мышление и действие на разных онтологических предположениях, создает реальность различных миров.

Методологический анархизм. В условиях, когда нарушен принцип соразмерности метода и объекта (см. ниже), отношение к методу становится двояким.

С одной стороны, метод становится важнейшей компонентой мыслительной работы и оценивается с утилитарной точки зрения – насколько удачным для достижения результата оказывается его применение. Такое утилитарное отношение к проблеме метода порождает произвольность выбора методов и своеобразный «методологический анархизм». Вопросы методологии (выбора методов решения практических задач, разработки новых методов) становятся повседневными, а роль частных методологий неизмеримо возрастает. Но при этом, естественно, не ставятся вопросы о правомерности применения того или иного метода и его соответствия объекту. Основными критериями становятся социальная приемлемость (привычность; умение людей использовать выбранные методы) и результативность.

С другой стороны, в попытках собственно мыслительной работы метод начинает представляться как некий путь в мыслительном путешествии с неизвестным окончанием. Восстановление первоначального (античного) смысла понятия «метод» позволяет двигаться в мышлении при принятии различных, иногда противоречивых онтологических предположений, но требует нового инструментария такого движения – схем и отрефлектированной организации самого мышления.

Все сказанное выше об изменении предметной и инструментальной базы осуществления мышления приводит к мысли, что фактически обозначился новый период выделения из мира мышления целого блока, – назовем его условно **«технической эпистемологией»**, – в котором происходит работа с большим объемом знаниевых и квазизнаниевых образований. Эта работа осуществляется уже не как мышление, а как социально и технологически организованная деятельность. Указанная деятельность создает новый мир – «третью природу»: **мир символической реальности**. Причем эта символическая (или виртуальная) реальность постепенно начинает становиться ведущей в организации общественной жизни.

димо вырабатывать способы помышления именно такой, 3G реальности.

В попытках мыслить сущность 3G реальности, включающей символические миры в качестве его основной, организующей компоненты, для нас очевидным является момент сотворенности и постоянной творимости мира. А это означает, что надо схватывать его сущность в становлении, но не в стационарном состоянии.

Представление о становлении (в отличие от монопроцессов развития и эволюции) предполагает, что мы имеем дело с объектами совершенно иной природы. Это **рефлексивные, активные образования, способные ставить цели и способные к организации** (в дальнейшем такого рода объекты я

буду называть «общественными образованиями»).

Очевидно, что такого рода образования (люди, их объединения, организации, институты и пр.) невозможно рассматривать с позиции теоретика. Адекватный способ обращения с ними – взаимодействие и коммуникация. Это означает, что помыслить сущность становящегося мира (в становлении которого участвуют подобные образования), – значит, с одной стороны, участвовать в процессах становления, с другой – вовлекать общественные образования в процессы коммуникации и размышления.

С другой стороны, точно и достоверно судить можно лишь о вещах, которыми владеешь в полной мере. Поэтому мыслящая инстанция (см. ниже), стремящаяся выявить сущность происходящего, не может участвовать в процессах становления в качестве «страдающей» – организуемой и подчиненной стороны. Она должна участвовать в качестве организующей и управляющей стороны. В противном случае неизбежно искажение (злоба, зависть, комплексы, классовая точка зрения и пр.). Но и в позиции «организаторов жизни» возможно искажение, когда проявляется предвзятость и доктринерская ангажированность.

Интенции. Указанные смыслы интуитивно кажутся верными; они создают то поле, в котором должен появиться объект и предмет размышления. Я считаю, что стягивание смыслового поля должно произойти на объекте, который я назову «**общественные изменения**». Что такое общественные изменения, как они происходят, и каким образом их можно организовать осмысленно и целенаправленно, – это те вопросы, на которых формируется новая деятельностная позиция – позиция **организатора общественных изменений**. Эта позиция, ее дея-

ПОНЯТИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Для того, чтобы построить размышление по поводу общественных изменений, необходимо понять, какова та идеальная сущность, с которой можно восстановить всю структуру мышления, и при этом она окажется адекватным проблеме и не исказит смысла базовых интуиций.

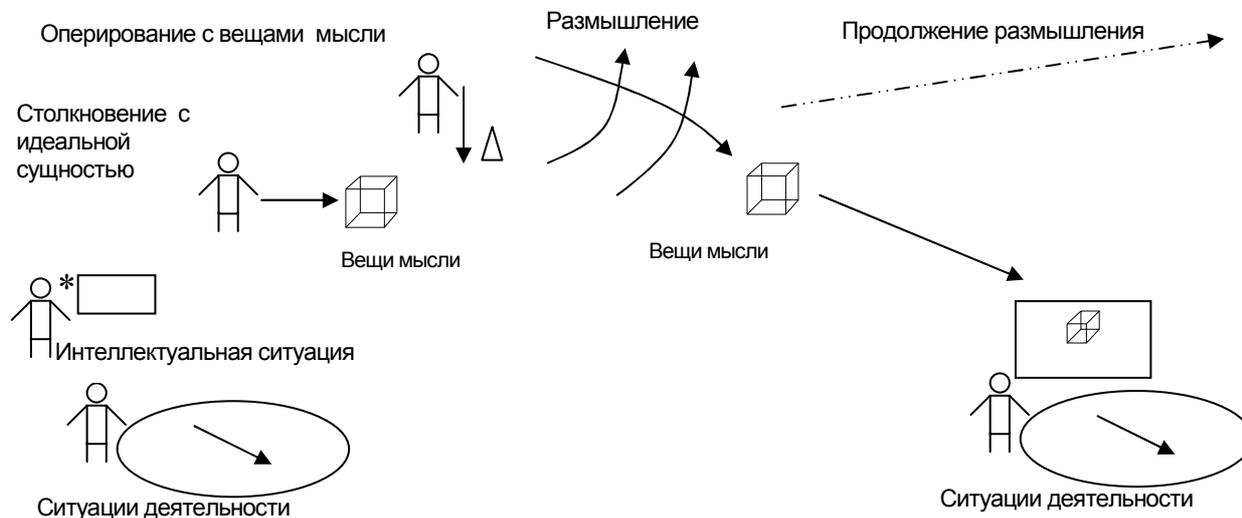
С моей точки зрения, такой вещью является **понятие организации**. Не проводя полной этимологической и исторической реконструкции понятия и не рассматривая смыслы, связанные с понятиями «организм», со словом «организация», обозначающим «учреждение», обратимся сразу к организации как таковой.

тельность, объекты, формируемые в деятельности по организации общественных изменений, станут предметом дальнейшего размышления.

Схема восстановления мышления. Мышление возможно лишь в предположении, что существует иной мир, мир идеальных сущностей, в котором при размышлении и появляется ответ о сущности «реального» мира.

Однако актуально мышление инициируется при столкновении человека (точнее – мыслительной потенции) с такой «вещью мысли», которая не может быть интегрирована в регулярно осуществляемую деятельность. Мыслительное освоение этой вещи заключается в том, что, с одной стороны, мыслительная потенция начинает разворачивать и достраивать себя до такого состояния, в котором она может свободно оперировать с этой вещью мысли (и сопутствующими, вовлекаемыми в оборот вещами мысли), стать ей соразмерной, с другой – осваивается то культурное пространство (смысловое и содержательное), которое стоит за этой вещью мысли. Одновременно идет процесс формирования мыслящей инстанции и создается мыслительное пространство, в котором конструируется объект размышления. Конституирование формирующегося мышления происходит в коммуникации с другими мыслящими инстанциями и в ходе организации мыслительного пространства. Организация мыслительного пространства предполагает выделение и оформление методов, объектов, онтологических оснований и других необходимых для мыслительного движения образований.

Таким образом, схема восстановления мышления в новой интеллектуальной ситуации выглядит следующим образом (рис. 4 на следующей странице).

Первое важнейшее свойство организации состоит в том, что она имеет дело с «живыми» «общественными» объектами.

Под «живым» объектом будем понимать объект, которому кроме «тела» (х) (организма), внутренне присуща **активность**, – способность самостоятельно двигаться, выбирать направление и способ движения. «Самостоятельность» означает независимость активности от внешних воздействий. При чем активность может быть направлена как на воспроизводство жизни объекта, так и на бессмысленные (с внешней точки зрения) траты энергии.

Рис. 4.

Кроме активности, общественный объект обладает еще рядом свойств. Во-первых, это **рефлексивность** (rf), – способность осознавать себя, свои действия и действия других. Эта способность внешне фиксируется с помощью знаков, прежде всего – собственного **«имени»** (n). Рефлексивное отношение к себе опосредуется этим «именем». «Имя» – сложное образование, представляющее собой совокупность семиотических, символических и эпистемических образований, определяющих отдельность и самость объекта. Оно является ядром формирования **«внутреннего смысла»** (is) – основания для действий и постановки целей, не детерминированных внешними обстоятельствами.

Второе свойство организации – это способность самостоятельно ставить цели.

Третье – это способность к самоорганизации, которая является условием соорганизации с другими объектами, включения в процессы организации и возможности организации других объектов.

Соотношение «тела» (организма), рефлексивности и внутреннего смысла создает некое совокупное качество, определяющее возможности объекта вступать в организационные отношения с другими объектами – назовем это качество **организационной валентностью**. Формальная структура такого объекта, – назовем его **«общественное образование»** – изображена на рис. 5.

Организацией мы назовем такое взаимодействие описанных объектов, при котором на группе объектов воспроизводится такая же формальная структура (рис.6) и при этом возникает второй уровень – со своим «внутренним смыслом», «именем» и способностью к рефлексии. Организация обладает теми же внешними качествами, что и общественное образование – рефлексивностью, внутренним смыслом, именем. Формально структура та же, но материальное наполнение другое. Во-первых, организация не имеет «естественного» тела. Во-вторых, если нет тела, то нет и сознания, и непонятно, как

осуществляется рефлексия. Поэтому для реализации полной структуры в организации появляются (создаются) два дополнительных материальных образования.

Это «носитель» организационного сознания, – как правило, одно из общественных образований отказывается от собственного содержания (внутреннего смысла) и отождествляется с организацией. В этом случае сознание носителя выполняет функции сознания организации. Возможен и другой вариант, – когда группа или даже все общественные образования являются носителями организации. В этом случае их внутренние смыслы могут сильно трансформироваться – в предельном случае вплоть до потери способности к самостоятельному целеполаганию.

Соотношение между общественными образованиями фиксирует второе материальное образование – схема организации (S). Схема задает структуру мест в организации и возможных переходов между ними как для общественных образований, так и для объектов любого другого вида – материальных, символических и пр. Наличие носителя и схемы организации достаточно для воспроизводства организации на другом материале в новой ситуации.

Таким образом, организация – это не сумма объектов и не их композиция. Это появление **нового общественного образования**. Понятно, что процесс организации может происходить по описанной схеме много раз, создавая все новые уровни организации.

В обществе организация проявляется в самых разнообразных обличьях – от жестких армейских структур до расплывчатых общественных объединений. Фактически наблюдается, как правило, либо институциональная закреплённость организации, либо ее материальные проявления – дороги, дома, заводы и другие вещи. Вещи и институты, включенные в схемы организации вместе с соответствующим образом устроенными людьми и их объединениями, составляют тело организации.

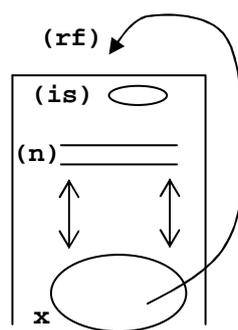
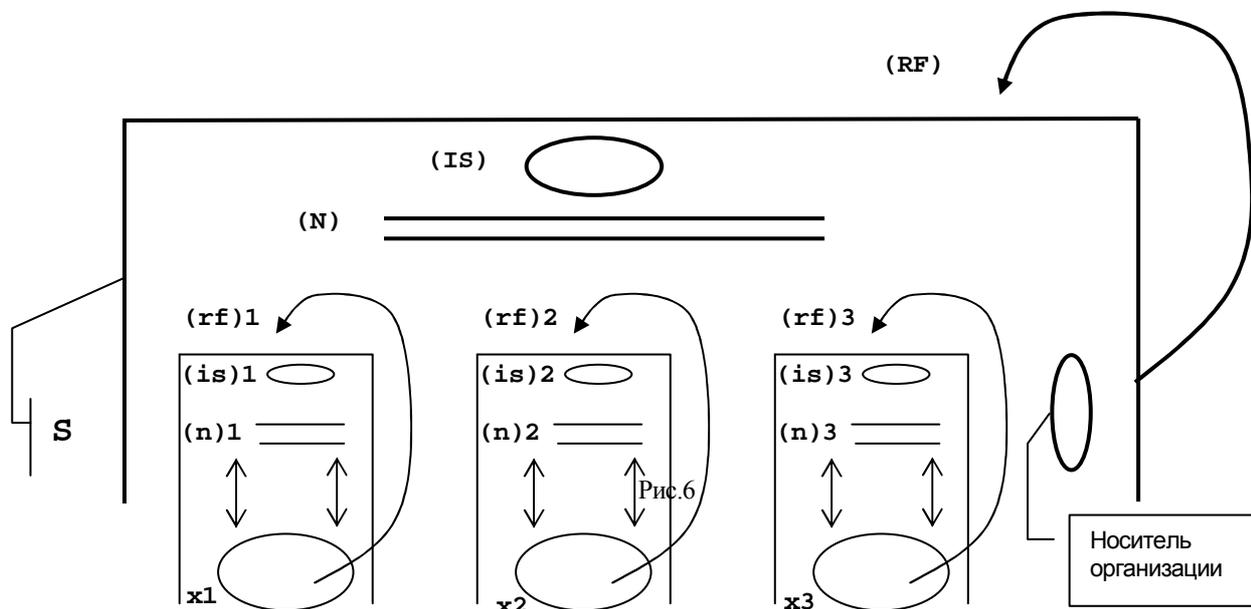

Рис.5.

СХЕМА

Схема в организации общественного образования определяет соотношение рефлексивного уровня, символического и телесного (организмического), задавая места и возможные переходы. Сама схема при этом, как правило, не выделяется в рефлексии, фиксируются лишь ее следы и материальные проявления – институциональные (правила, процедуры и операции, инструкции, методы и способы осуществления деятельности, функциональная структура и т.п.), либо материальные – вещи и машины.

Кроме того, схема определяет возможные способы действия носителя; условия включения в организацию «материала» и превращение его либо в «тело», либо в символическое ядро организации; возможности восстановления организации в новых условиях и на новом материале.

Исходя из функций схемы в организации, можно зафиксировать, что схема не является ни семиотическим, ни эпистемическим, ни символическим образованием. Она есть совершенно особое образование.

Кант впервые ввел понятие «схематизма», определив его как «условие чувственности чистых понятий рассудка». Схема представляет собой сложную конструкцию из схематизмов, определяя соотношение условий реализации сознания, чувственности и мыслимости. Иначе говоря, схема определяет условия мыслимости, рефлексивности, возможности понимания с одной стороны, чувственности и действенности – с другой, включения активности – с третьей.

Соорганизация в схеме разнородных предметов и вещей происходит за счет соотношения и установления границ указанных условий.

Тот факт, что схема – это образование, находящееся на границе между сознанием и мышлением, в условиях оформленной и стационарно существующей интеллектуальной парадигмы не позволяет считать схему средством мышления. Именно так считал Кант, полагая, что схематизмы находятся за пределами разума. Но в условиях смены парадигм и «интеллектуальной катастрофы», когда мышление фиксирует онтологические и методологические разрывы, вопрос формирования новых схем становится первоначальной задачей мышления. Хороший пример – построение Аристотелем схем логически правильной коммуникации. После появления таких схем они входят «внутри» мышления и формируют тот или иной тип организации мышления, а мышление о них не «вспоминает», занимаясь содержанием – теми понятиями и знаниями, которые оказываются возможны в разработанных схемах.

Совершенно другая ситуация складывается, когда объектом мышления становятся общественные изменения. Их

организация как раз и предполагает изменение условий мыслимости и чувственности. Поэтому схемы (а не знания или понятия, которые сами появляются в рамках тех или иных схем) становятся основным средством мышления и действия.

В качестве характерных особенностей схем можно выделить следующее:

- 1. Позиционность.** Схема обязательно предполагает наличие активного общественного образования, которое сложно организовано по отношению к схеме: с одной стороны это образование действует по схеме, а с другой – использует схему как средство организации и самоорганизации. Поэтому в схеме явно или неявно присутствует позиция (или позиции) – места включения активности (-ей) общественного образования. В методологических схемах и в схемах управления такие места для «человечков» появляются обязательно. Но даже примитивные схемы вроде схем метрополитена или радиоприемника неявно содержат пользователя и носителя этих схем. Иначе они становятся бессмысленны и ничего не организуют.
- 2. «Оборачиваемость» функций.** По отношению к использованию схемы как средства организации, различаются функции схемы как средства организации мышления или деятельности и организации объектов мышления и деятельности. Обе эти функции заключены в одной схеме, поскольку именно схема устанавливает соразмерность способов деятельности и объектов. Но графически эти функции удобно разделять, и возникают «организационно-деятельностные» схемы и «объектные» схемы, которые обычно рисуют на ортогональных досках.
- 3. Автонимность.** Схемы ничего не обозначают, кроме самих себя, поэтому для них создается особая графика, которая не является чисто семиотическим образованием.
- 4. Монадность.** Каждая схема представляет собой самостоятельное образование (монаду), которое совсем не обязательно должно быть связано с другими схемами или включено в какие-то другие контексты. Схема сама создает контексты.
- 5. Разнородность материала схем.** Соотнося условия мыслимости, активности и чувственности, схема принципиально включает в себя разнородные объекты, являясь центральным моментом организации 3G реальности.
- 6. «Представительство» объектов в схеме.** Объекты (понятия, люди, вещи), включаемые в схему, подвергаются опре-

деленной трансформации. Они начинают существовать как минимум в двух состояниях. В одном из них, действуя (или двигаясь) по схеме, они проявляют те свойства, которые от них требует организация, задаваемая схемой. В другом – они сохраняются как «вещи в себе» с тем, чтобы, выйдя из организации, обрести свою самость. Так, пассажир в общественном транспорте обязательно существует одновременно и как человек. Выйдя из схемы организации транспортировки пассажиров, он мгновенно восстанавливает все человеческие свойства. Неразличение или смешение этих двух состояний может привести к трагедии.

7. Схемы «проживаются». В мышлении схема не может браться как объект или знак (в этом случае исчезает вся ее специфика, и восстановлению после этого она не подлежит). Схема берется в «проживании» и реализации вместе с ее носителем. Описание схем возможно только в музейной функции – «как было». Реальная передача схем происходит при «вхождении» в схему, движении в ней, принятии на себя

СТРУКТУРА МЫШЛЕНИЯ

Введение понятия организации и схем как средства организации требует новой организации мышления. Из предыдущего ясно, что такая структура мышления не может быть похожа ни на научное мышление, которое абстрагируется от изменений объекта при его изучении и не исследует организованные структуры, ни на проектное, которое игнорирует необходимость участия в процессах становления.

Дисциплинарная организация мышления. Адекватная задаче организации общественных изменений структура

функции «носителя» и последующего выхода с рефлексивным выделением схемы («надетой на себя»). В новой ситуации схему можно восстановить.

В заключение можно добавить, что организацию и схемы невозможно категоризовать. Организация не есть процесс и не есть структура. То же относится и к схеме. Эти образования более первичны в культуре. Они сами порождают категоричные ряды и различительность. Аналогом для понимания может служить такое образование, как, например, игра. В становлении игры появляются процессы и структуры, время и пространство, качество и количество, но не наоборот. Так и в организации порождается пространство и время, форма и содержание, качество и количество. Указанное обстоятельство создает большие трудности в понимании и выявлении такого рода явлений и образований, как схема, организация или игра, поскольку стандартное мышление и сознание пытаются их «взять» в средствах, которые порождены самими этими явлениями. И в этом случае все безнадежно запутывается.

мышления должна основываться не на формировании одного объекта (или поля однородных объектов), а на более сложной комбинации как минимум трех компонент: более или менее неизменного организованного материала, к которому можно относиться как к законосообразно устроенному – я назову это «плацдарм»; активно действующих позиций (общественных образований), имеющих свои цели и способы их достижения; и – организаций из позиций и элементов плацдарма. Схематично это изображено на рис. 7.

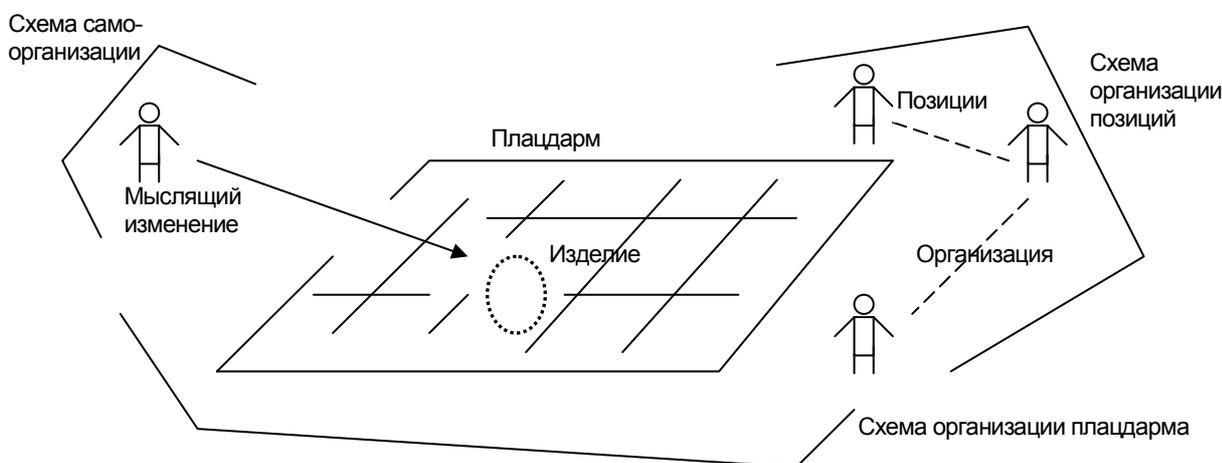

Рис. 7.

Я буду называть такую организацию мышления «дисциплинарной». Ее специфика прежде всего в том, что дисциплинарный, мыслящий общественное изменение, тем самым его осуществляет. Другими словами, в организованных структурах мыслительное «изделие» неизбежно трансформирует смысловые поля всех (или части) общественных образований и вызывает с их стороны ответные действия. Если «изделие» изготовлено правильно, совокупность действий других позиционеров приводит к тому, что осуществляется помысленное изменение.

Второй специфический момент дисциплинарной органи-

зации состоит в том, что мышление осуществляется в схемах. Можно выделить три типа схем, по отношению к которым (или в которых) осуществляется размышление: схемы самоорганизации мыслителя, схемы организации плацдарма и схемы организации позиционеров. Изменение этих схем или их разворачивание приводит к новой комбинации компонент, что и фиксируется как изменение.

Третье специфическое свойство дисциплинарной организации мышления состоит в том, что мыслительное «изделие» носит всегда условный характер – оно изготавливается для конкретной ситуации и оказывается непригодным в других.

Иначе говоря, мыслитель каждый раз получает «однообразное» знание. Неизменным остаются методы и способы мышления схемами.

Формирование мыслящей инстанции. Одна из проблем дисциплинарно организованного мышления состоит в том, что для адекватного мышления необходимо достичь состояния, при котором мыслящий соразмерен ситуации изменений и сам способен меняться по мере изменения ситуации. Это означает, что:

А) дисциплинарный должен быть включен тем или иным образом во влиятельные структуры общества (или их создать), поскольку нельзя достоверно мыслить о том, чем не владеешь;

Б) дисциплинарный достраивает себя и свое мышление до той мощности, которая позволяет осуществлять общественные изменения осмысленно и целенаправленно;

В) дисциплинарный организует коммуникацию с другими авторитетными (или влиятельными) позиционерами, также ставящими своей целью общественное изменение (может быть, и в другом направлении). Такая коммуникация создает возможность самоидентификации дисциплинария и формирования собственного внутреннего смысла и собственных мыслительных интенций.

Все указанное выше в п.п. А-В приводит к формированию общественного образования особого типа, – я назову его «**мыслящей инстанцией**». В условиях изменяющегося общества отдельный человек дисциплинарно мыслить не может. Но он может достроить себя до общественного образования,

способного самостоятельно мыслить.

Кроме всего прочего это означает и то, что дисциплинарно организованное мышление, в отличие, например, от научного, – авторитетно. Каждая мыслящая инстанция оценивается по своей мощности и по сделанному ею. Это связано с тем, что в размышлении об организованном мире не может быть единой истины. В пределах каждой мыслящей инстанции обоснованность мыслительных заключений определяется схемой организации мышления. С внешней точки зрения такое заключение не может быть формально отнесено к ложному или истинному. Но можно сказать, насколько эффективным оно оказалось и насколько изменило ситуацию в обществе.

Создание новых реальностей. Дисциплинарное мышление создает новые реальности. Оно не изучает внешне положенный мир, оно создает собственный. Это исходит из природы организации и схем. Создание новых схем меняет условия чувственности, способы действия и сознание людей. Действуя в рамках новой схемы, они создают новую реальность, новые миры.

Вкус и воображение. В условиях авторитетной системы оценки результатов мыслительной работы и ориентации на создание новых реалий жизни ведущими критериями для мышления становятся вкус и воображение. Именно вкус и воображение создают поле интуиций, которое начинает перерабатывать дисциплинарно организованное мышление.

УСЛОВИЯ МЫСЛИМОСТИ. СХЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ.

Ситуация осуществления общественных изменений. Всякая попытка изменить ту или иную часть общества приводит к следующей ситуации: появляется человек или группа людей, которых не устраивает существующее положение дел и они хотят его изменить в соответствии со своими представлениями (планами, проектами). Но поскольку «преобразователи» имеют дело с общественными образованиями – рефлексив-

ными и активными, то получают реакцию, причем совсем не ту, что могут заранее «вычислить». Начинается борьба, рефлексивные игры, конкурирующие проекты и иные общественные эффекты. Возникает «результатирующая» траектория. Изменения происходят не там и не такие, как планировалось вначале. Схематично эта ситуация изображена на рис. 8.

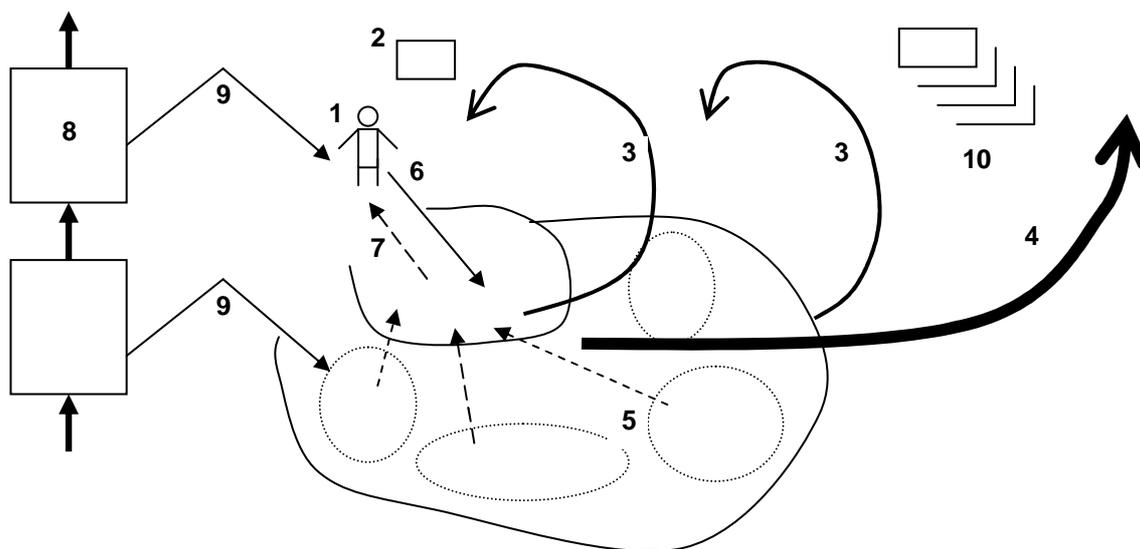

Рис. 8.

1. Позиция «преобразователя».	6. Действие по изменению.
2. Его план (проект).	7. Ответные реакции.
3. Рефлексии общественных образований.	8. Нормы культуры.
4. «Результатирующая» траектория.	9. Реализация норм культуры.
5. Общественные образования, не включенные по плану в зону преобразований.	10. Альтернативные проекты.

«Классическое» проектное мышление рассматривает такую ситуацию («хотели как лучше, а получилось как всегда») либо как ситуацию недостаточного (неверно осуществленного) проектирования, либо (что чаще) – как результат плохой реализации и управления.

На самом деле ситуация всегда такова. Неадекватным является способ ее представления в мышлении. И если принять, что мы неизбежно имеем дело с рефлексивными и активными объектами, необходимо менять само представление об общественных изменениях.

Прежде всего рассмотрим несколько парадоксов, которые заключены в эту схему.

Во-первых, парадоксальна позиция преобразователя общества. С одной стороны, он противопоставляет себя обществу, с другой – сам является продуктом этого общества и находится в рамках той же культуры.

Способность помыслить иное общественное устройство представляет собой труднейшую проблему.

Наиболее простой (и непродуктивный) способ – исходить из негативных оценок: смотреть, что не нравится, и пытаться исправить это. Так пытались размышлять первые утописты. Таким взглядом руководствовались руководители многочисленных восстаний в средневековом Китае или в древнем Риме. Результат известен: смена императоров приводила к воспроизводству той же системы со всеми теми же «язвами».

Другой способ – выделить тенденции или «тренды» и по ним «увидеть» другое общество. В этом упражняются фантасты и футурологи.

Третий способ – спроектировать отдельную «вещь» (или систему «вещей») и реализовать проект, изменив тем самым общество в нужном направлении. Но при этом ситуация не меняется: если не изменяются культурные нормы и тип организации, общество восстанавливается в прежнем виде. (Либо, если воздействие слишком сильно, в результате взаимодействия всех сил исторического процесса получится нечто совершенно иное, не запланированное.)

Парадокс может быть разрешен только в том случае, если «преобразователь» в первую очередь начнет изменять не общество, а себя, и станет, соответственно, носителем новых норм культуры и типа общественной организации. Но в этом случае меняется и объект размышления: не образ измененного будущего, а самоорганизация, позволяющая сформировать, «вырастить» новую культуру и организацию жизни.

Второй парадокс связан с тем, что невозможно менять все (тем более – все сразу). Но, начиная изменять часть общества, мы затрагиваем практически и все остальное. Причем даже если изменяемая часть выделена и независима материально, она оказывается включена в смысловые и рефлексивные поля разнородных общественных образований. В результате либо мы жестко реализуем проект, несмотря на появляющиеся неконтролируемые и непредвиденные последствия, уничтожая все препятствия на этом пути, либо начинаем непрерывно менять проект, попадая в бессмысленную ситуацию «инфинитного проектирования». И в том, и другом случае вряд ли приходится говорить об осмысленной организации общественных изменений.

Отсюда же вытекает третий парадокс – сила и ресурсы преобразователя ограничены, а ограничиться изменением какой-либо единицы невозможно. Эта проблема соразмерности в определенном смысле является центральной для организации общественных изменений.

Для разрешения указанных парадоксов необходимо выработать условия мыслимости общественных изменений.

Во-первых, ответственно и достоверно помыслить общественное изменение можно, только участвуя в его осуществлении. Это означает, что мыслящая инстанция в качестве предмета размышления берет себя, заложенные в ее мышление культурные образцы, типы общественной организации,

способы и методы мышления.

Во-вторых, выделяя нужный тип организации общественной жизни на себе, необходимо в соответствии с ним «выращивать» общественное образование, в потенции соразмерное наиболее мощным из существующих общественных образований (способное взаимодействовать с ними на равных). На это необходимо время и ресурсы. Поэтому возникает иное отношение к будущему, чем в проектное и научное мышление. Будущее мыслится как актуальное, которое разворачивается и в какой-то момент встречается с «прошлым».

В-третьих, возникающее общественное образование и формирующаяся мыслящая инстанция неизбежно вступают в сложные взаимоотношения с другими разнообразными общественными образованиями – от взаимопонимания и организационных альянсов до борьбы и конкуренции, вплоть до уничтожения.

Необходимо иметь в виду, что организация общественных изменений включает в себя как формирование мыслящей инстанции, так и разворачивание общественного образования – поскольку разворачивание общественного образования и его участие в процессах общественного изменения **и есть** предмет размышления мыслящей инстанции. Для возникновения общественного образования мыслящая инстанция создает схемы его организации. Основная проблема мыслящей инстанции – разработка более мощных схем организации, чем те, которые реализуются в существующем мире. Мощностность схем определяет возможность равноправного участия создаваемого общественного образования в становлении нового общественного порядка.

Исходя из вышесказанного, можно выделить ряд принципов, регулирующих помышление и осуществление общественных изменений.

1. Принцип «встречи в будущем» В отличие от проектного типа мышления, при организации общественных изменений формируется совершенно иной способ представления будущего. Будущее расслаивается на два плана: в одном оно существует в схемах новой организации жизни и деятельности, которые закладываются в новое общественное образование, в другом – будущее появляется как новая организация общественного порядка в результате процесса его становления. Образ будущего представляется в виде «траекторий» движения в историческом процессе становления и новой организации, в которой будет участвовать и новое общественное образование (рис. 9).

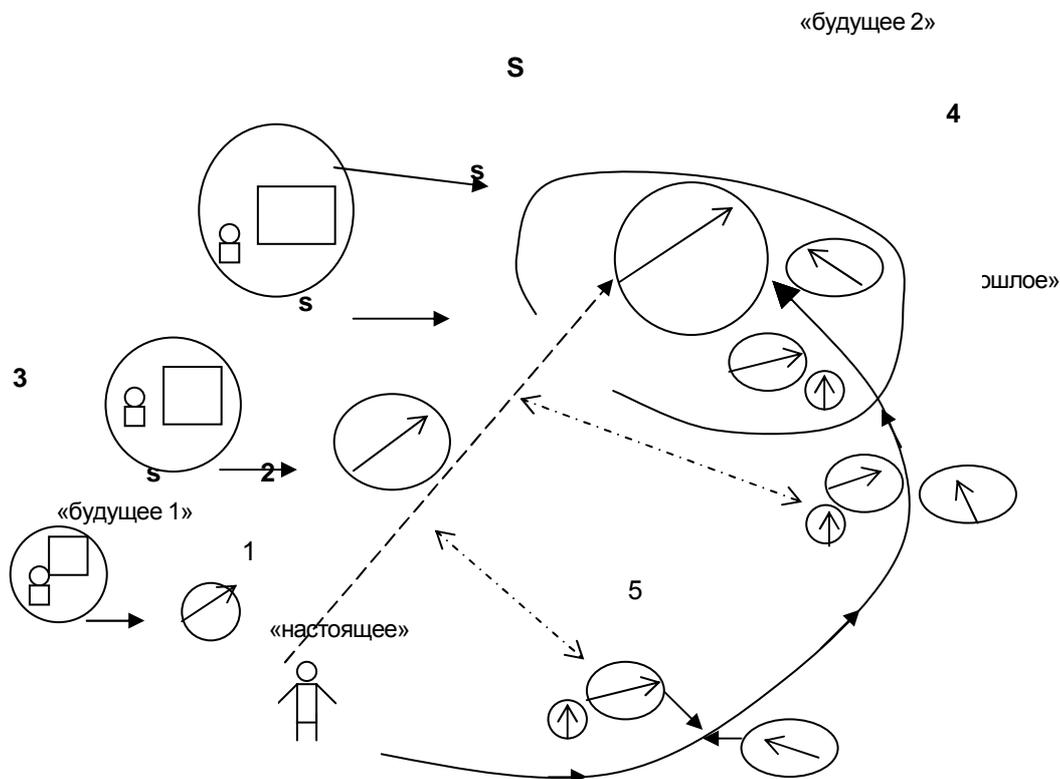

Рис.9.

1. «Преобразователь»
2. Создаваемое общественное образование.
3. Формирующаяся мыслящая инстанция.
4. Организация нового общественного порядка.

5. Существующий общественный порядок и траектория «естественного» движения.
S, s – схемы организации нового общественного порядка и нового общественного образования.

Таким образом, при правильном расчете траекторий в определенный момент должны пересечься «естественное» движение общества и общественное образование, выращенное «преобразователями». Организация нового общественного порядка и есть то «место встречи», в котором состоялось будущее.

2. Принцип «авторизации» .Инициатор(ы) общественных изменений сам становится носителем нового типа организации, поскольку схемы не передаются. Можно лишь включать в разворачивание схемы новый общественный материал, формируя носителей схем.

3. Принцип «прецедента» Включение нового общественного материала в новый тип организации на первом этапе проходит через создание прецедентов – проблемных ситуаций, которые более эффективно преодолеваются способами, заложенными в этот новый тип организации. Создание (поиск) проблемной ситуации, ее решение, формирование прецедента – описание решения как типового, создание определенной нормы решения проблемы новым способом воздействует на символическую и смысловую структуру других общественных образований. В случае совпадения их организационных валентностей, они включаются в предлагаемую организацию.

4. Принцип «освоения» .Отчуждение схем организации (после демонстрации их эффективности) и их дальнейшее разворачивание на других носителях приводит к территориальному распространению нового типа организации. Общественное образование приобретает регионально-популярную организацию. (В этом плане надо заметить, что понятие региона связано не с определенной территорией (землей), а

единообразием организации общественных отношений.)

5. Принцип «конкуренции» .Расширение сферы влияния нового общественного образования неизбежно вызывает различные формы борьбы с ним со стороны «старых» общественных образований, организационная валентность которых не позволяет им включиться в новую организацию. Эта борьба может принимать как непримиримые формы, так и формы игры или конкуренции.

6. Принцип «становления» нового общественного порядка. Освоение и конкуренция общественных образований становятся незначимыми в тот момент, когда удастся найти схему организации нового уровня, в которой устанавливается порядок общественных отношений, более выгодный, чем борьба и конкуренция.

7. Принцип «символизации» .Новый уровень организации требует своего носителя и символического оформления. Решение этой задачи оформляет произведенное общественное изменение и вводит его в исторический контекст.

Таким образом, как мне кажется, создано поле возможных объективаций, в которых мыслимы общественные изменения. Дальнейшая работа связана с описанием и демонстрацией ряда образцов дисциплинарно организованного мышления, которые реализуются в проектах Международной методологической ассоциации (ММАСС) – см., напр., [3]. Этому будут посвящены дальнейшие работы. Примеры подобных объективаций можно обнаружить также в моей книге [4] и в других работах (см., напр., [5,6]).

ЛИТЕРАТУРА

1. С. В. Попов. «Идут по России реформы...». «Кентавр» 1992, №№ 2,3.
2. Г. П. Щедровицкий. Синтез знаний: проблемы и методы. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., ШКП, 1995.
3. С. В. Попов. «Конкурс – это пусковой механизм общественных изменений». «Кентавр», № 21 (1999).
4. С. В. Попов. Организация хозяйства в России. Омск, «Курьер», 1999. – 288 с.
5. С. В. Попов. «Методологически организованная экспертиза как способ инициации общественных изменений». «Кентавр», 23 (2000).
6. С. В. Попов. «Метод экспертизы». «Кентавр», 23 (2000).